

БИЗНЕС- КОММУНИКАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНОЕ И ОТРАСЛЕВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ В КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ: РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, ЧИЛИ И АРГЕНТИНА

Кириллина В.Н.⁴³, Вятская Ю.А.⁴⁴, Волконская Н.А.⁴⁵

Данная статья представляет результаты исследования по проблеме взаимодействия бизнеса и власти в конфликтном дискурсе в Российской Федерации, Чили и Аргентине. При изучении кейса Российской Федерации был сделан упор на региональную специфику (Рязанская, Свердловская, Калужская и Владимирская области). Конфликтный дискурс изучен при помощи двух методов (контент-анализа и интервью). Результаты исследования показали, что конфликтный дискурс между бизнесом и властью обострился во всех странах в период Covid-2019, однако, различались механизмы урегулирования конфликтов в условиях различного институционального дизайна стран.

Ключевые слова:

Конфликтный дискурс; взаимодействие бизнеса и власти; бизнес-ассоциации; региональная политика; зарубежный опыт

⁴³ Кириллина Валентина Николаевна - доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой теории и практики взаимодействия бизнеса и власти, директор Института коммуникационного менеджмента НИУ ВШЭ, kirillina@hse.ru

⁴⁴ Вятская Юлия Алексеевна - эксперт научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций, yumatyunenko@hse.ru

⁴⁵ Волконская Надежда Андреевна - стажер-исследователь научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций, nvolkonskaya@hse.ru

Сегодня можно заметить возрастающий интерес к вопросам взаимодействия бизнеса и власти как со стороны научного, так и делового сообщества. Любое общество конфликтно: российский общество не является исключением особенно в сфере взаимодействия бизнеса и власти. По мнению Ральфа Дарендорфа [4], элемент противостояния заложен в самой природе взаимодействия между бизнесом и властью, так как происходит конфликт частных и публичных интересов, которые порождают общественные конфликты. Отчасти конфликтность может объясняться различными интересами обеих групп: возрастающим налоговым обременением, несогласованными институциональными правилами взаимодействия и пр. Со стороны государства также можно выявить определенные интересы: перекладывание социальных обязательств на бизнес, частые изменения институциональных правил. Конфликтный дискурс особенно обостряется в период кризисных ситуаций (пример - всемирная пандемия Covid-2019). Так, уполномоченный по защите прав предпринимателей Москвы Т.В. Минеева, отмечала, что число уголовных дел, заведенных на московских предпринимателей, возросло в несколько раз за 2020 г. [16]. За рубежом также отмечается нарастание конфликтности [59].

Проблема данного исследования - определить каковы механизмы, правила и институты, позволяющие взаимодействовать бизнесу и власти, расширять конструктивный диалог в Аргентине, Чили и России. Несмотря на существующий в настоящее время диалог между властью и бизнесом и правовые решения для его укрепления, принимаемые как в России, так и за

рубежом в последнее время, все ещё остаются недостаточно хорошо отработанными механизмы взаимодействия и принятия решений, которые позволят бизнесу и власти находиться в постоянном конструктивном диалоге друг с другом. В рамках данного исследования мы ответим на исследовательский вопрос о том, какие правовые институты являются ключевыми медиаторами в Чили, Аргентине и 4-х российских регионах: Свердловской, Рязанской, Владимирской, Калужской областей.

В рамках исследования проверена следующая гипотеза: в Свердловской, Рязанской, Владимирской и Калужской области основным медиатором по управлению и урегулированию конфликтов между бизнесом и властью являются торгово-промышленные палаты. Данная гипотеза сформирована по итогам экспедиционных поездок Научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций за 2018-2020 гг.. Первая часть исследования посвящена анализу роли региональных бизнес-ассоциаций в создании механизмов по управлению региональными конфликтами. Вторая часть посвящена обзору институтов взаимодействия бизнеса и власти в Чили и Аргентине и их коммуникации через призму конфликтного дискурса Covid-19.

Метод сбора и метод обработки данных.

В работе будет использовано 2 метода сбора данных. Во-первых, контент-анализ прессы [17] для зарубежного и российского опыта. Во-вторых, метод полуструктурированного [1] интервью для российского опыта (интервью проводились сотрудниками Научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций с 2018 по 2020 г. в

рамках выездных научных экспедиций с бизнес-ассоциациями, а также бизнесменами разных отраслей).

Обзор зарубежных и отечественных источников литературы по проблеме конфликтного дискурса

Говоря о взаимодействии бизнес и власти в конфликтном дискурсе, для начала необходимо понять, как менялись отношения между двумя сторонами на протяжении истории, чтобы понять на каких основаниях строится это конфликтное взаимодействие. Курула и Мун [41] показали, как государство в качестве института управления поведением экономических агентов, меняло свое взаимодействие с бизнес сообществом на протяжении последних 50-ти лет. Авторы рассматривают, как качество и характер государства и его политики эволюционировало наряду с ролью и местом бизнеса и субъектов гражданского общества в условиях приватизации и глобализации. Кроме этого, отслеживается эволюция основных функций правительства в области управления. Авторы предполагают 4 фактора, которые повлияли на характер взаимоотношений государства и бизнеса: 1) государство теряет власть; 2) государству не хватает правоприменительного потенциала для воздействия на многонациональные компании; 3) частное регулирование превосходит государственное регулирование; 4) государство не является релевантным объектом анализа, так как все инновации создает бизнес. В связи с этим авторы приходят к следующим выводам: а) хотя государство, возможно, теряет некоторую власть в одних сферах, оно приобретает и использует ее в других областях; б) государство берет на себя новые управленческие функции в отношении бизнес-сообщества; в) государственное регулирование может внести позитивный

вклад в управление поведением экономических агентов. Однако, авторы не показывают, как происходила эволюция взаимоотношений бизнеса и власти именно в конфликтном дискурсе, как ведут себя обе стороны.

Б. Шаффер [55] рассматривает последствия для конкурентной среды, к которым может привести государственная политика в той или иной области. По мнению автора, мерами реагирования бизнеса на государственную политику могут быть как стратегическая адаптация, так и попытки повлиять на государственную политику в зависимости от того, какую выгоду / издержки получает экономический агент. Шаффер утверждает, что на макроуровне политическая активность экономических агентов заключается в стремлении повлиять на государственную политику в том или ином виде (например, на законодательные и регулятивные процессы). На микроуровне поведение экономических агентов может объясняться: а) использованием государственной политики для в качестве средства повышения своей легитимности в глазах внешних субъектов, б) структурой и отраслью, к которой принадлежит экономический субъект, в) стремлением увеличения и сохранения своих конкурентных преимуществ. Однако, в данной работе также не продемонстрировано, как могут взаимодействовать бизнес и власть в процессе конфликтной ситуации. По сути автор смотрит на поведение экономических субъектов уже после принятия политического решения.

Хилман и Кэйм [38] стремятся понять вариативность взаимодействия бизнеса и власти в контексте развитых демократических государств. Авторы считают, что различия в отношениях между бизнесом и власти в разных странах

можно лучше понять, изучив институты, через которые бизнес и правительство взаимодействуют, в том числе, уделяя особое внимание формальным (законодательству) и неформальным ограничениям (культуре и нормам поведения в обществе). По их мнению, основные характеристики институтов взаимодействия бизнеса и власти могут быть лучше поняты путем изучения того, как и почему акторы выбирают путь придерживаться формальных и неформальных институтов. Исходя из этого, ученые разработали типы экономических политик, которые могут быть приняты в развитых демократических странах, а также тактик и стратегий, которые предприятия могут использовать для представления своих интересов, в зависимости от институционального дизайна. Однако, и здесь не показано, как могут взаимодействовать бизнес и власть в процессе конфликтного дискурса.

Как могут взаимодействовать власть и бизнес в условиях конфликта, рассматривает Холзингер [39]. В статье рассматривается практика медиации «Альтернативное разрешение споров» (Alternative dispute resolution, ADR), которая является успешным механизмом разрешения экологических конфликтов в Соединенных Штатах и европейских странах. По мнению автора, значимый результат этой практики может быть достигнут с помощью процедуры, основанной на широком участии, прозрачности и справедливости процесса разрешения конфликтов. В статье рассматриваются 3 типа экзогенных факторов, которые могут повлиять на успех или неудачу ADR. Во-первых, существуют определенные ограничения на решение конфликта: возможности для заключения соглашений зависят от физической, технической и экономической осуществимости

потенциальных решений, а также от законодательства. Во-вторых, ход и результат переговоров ограничен наилучшими альтернативами переговорному соглашению спорящих сторон; эти альтернативы в основном определяются внешними факторами. В-третьих, дискуссионное пространство для ведения переговоров также ограничено политическими директивами от посредника переговоров и политиков, зависящие от своих избирателей. Тем не менее, существенным недостатком работы является то, что автор рассматривает лишь один институт для разрешения споров между бизнесом и властью, но не пытается понять установленные паттерны конфликтного взаимодействия в государстве.

Изучение работ по конфликтному дискурсу стоит начать с определения понятия конфликтного дискурса. Согласно М. Сейранян, конфликтный дискурс имеет 2 трактовки: широкую и узкую. В широком понимании: «конфликтный дискурс – дискурсная формация, подразумевающая систему ограничений, которая накладывается на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции» [21, с.13]. В данной трактовке понятие восходит к М.Фуко, который понимал под дискурсом совокупность правил, определяющих условия высказывания [25]. В более узкой трактовке: «Конфликтный дискурс сосредоточен на коммуникативном событии, социальном действии, способном вызывать изменения в социальных отношениях и ситуациях» [21, с.14]. В этой трактовке конфликтный дискурс оказывает влияние на участников дискурса и их дальнейшее взаимодействие. Согласно Белоус и Осколковой, «конфликтный дискурс – ситуация, представляющая столкновение целей, решение которых

приводит к противодействию» [3]. Анализ конфликтного дискурса включает следующие компоненты: 1) среду и тип социального события; 2) социальный объект (кто конфликтует?); 3) содержание конфликта; 4) текст конфликта [12].

Конфликтный дискурс, как и любое явление, подразумевающее конфликт, в основе имеет стороны или субъекты конфликта (в данном исследовании в широком смысле субъекты конфликта – бизнеса и власть; в узком смысле субъектами конфликта являются представители власти и бизнеса). Сферы проявления конфликта крайне разнообразны – от политической сферы до социально-бытовой. В данной статье мы сконцентрируемся на политической сфере, т.е. изучении конфликтного дискурса между бизнесом и властью. А. Алейников отмечает, что в российской практике публичный диалог между бизнесом и властью нередко выстроен в конфликтном дискурсе. Обострение конфликтов происходит в периоды экономических и социальных кризисов [2]. А. Фетисов понимает конфликт между государством и бизнесом как явление, обладающее «своим местом в социально-политической действительности, где стороны проявляют предпочтения политико-властного характера, которые характеризуются несоизмеримостью» и представляющее «собой разновидность социально-политического конфликта, структурный элемент, вписанный в более широкий контекст столкновения интересов социальных групп и доопределяющий эту борьбу в соответствии со своей собственной логикой» [24].

При этом, основная проблема в конфликтном дискурсе в России состоит в том, что недостаточно развиты механизмы институционализированного урегулирования конфликтов между

бизнесом и властью [15]. Проблема изучения конфликтного дискурса между бизнесом и властью также состоит в том, что конфликты не всегда строго относятся к юридическим или экономическим, а потому их разрешение в суде (как происходит с юридическими конфликтами) не всегда возможно [22]. Фиксируется, что взаимоотношения между бизнесом и властью чаще выстроены по некорпоративистской модели (государство – основной субъект создания групповых интересов и дальнейшего урегулирования конфликтов). Подобная модель позволяет создавать неформальные институты по отстаиванию интересов или управлению конфликтами [9]. По мнению А.А. Ильченко, «диалоговые модели эффективны в контексте управления конфликтом, поскольку они обеспечивают участие в этом процессе различных общественных структур и высокую степень заинтересованности субъектов конфликта в достижении позитивного результата» [5]. Однако, осуществляется нехватка институций для реализации диалоговой модели.

А. Кольба и И. Ильченко рассматривают несколько моделей диалоговой стратегии. Первая модель – модель свободного диалога (группы конфликтов в форме диалога обсуждают проблемные точки и находят путь по управлению конфликтом). Модель артикуляции претензий подразумевает наличие институтов для управления конфликтами. Модель перехода на запасной путь включает принудительное управление и урегулирование конфликта в институциональной форме, а модель тайной комнаты – мониторинг со стороны власти потенциальных конфликтов и досрочное реагирование на них) [10]. При этом, практика регулирования институтов, выступающих в лице бизнес-объединений и отстаивающая интересы бизнеса, носит

ограничительный характер. Деятельность Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), «Деловой России» и «Опоры России» ограничена законодательством о некоммерческих организациях. С точки зрения фактора институционализации, деятельность деловых объединений относится к «неполной институционализации»: «Когда социальные нормы и правила поведения института сформированы, но не закреплены законодательно» [8]. Специфика институционализации российских бизнес-объединений приводит к появлению неинституционализированных механизмов продвижения интересов бизнеса: организация форумов, круглых столов, подготовка предложений по регулированию коммерческой деятельности и пр. Между тем, наиболее эффективной мерой разрешения конфликтов остаётся институционализация организаций, направленных на взаимодействия бизнеса и власти. Российская специфика взаимодействие бизнеса и власти привела к формам клиентелизма и лоялизма [7], при которых неформальная институционализация имеет большее значение для разрешения конфликтов, нежели формальные практики. Российская специфика управления и последующего урегулирования конфликта приводит к тому, что бизнес действует в рамках 4-х основных стратегий: 1) наличие крупных покровителей на федеральном уровне; 2) становление сильной экономики внутри региона и дальнейшая самостоятельность; 3) попытка трансформации системы путем легитимации политико-экономических конфликтов; 4) попытка сохранения системы с низкой легитимацией для отстаивания частных интересов [6]

Рассмотренный анализ литературы продемонстрировал, что проблеме

конфликтологии в зарубежном и российском научном дискурсе уделяется достаточно внимания. При этом, отсутствуют исследования, посвященные региональным кейсам. В данной работе мы сконцентрируемся на зарубежном и российском опыте. В качестве зарубежных кейсов будут рассмотрены Аргентина и Чили, а российский кейс будет апеллировать к 4-м российским регионам: Рязанской, Свердловской, Калужской и Владимирской областям. Выбор Аргентины и Чили обусловлен тем, что страны Южной Америки нередко сравнивают с Россией (особенно в части экономики). Выбор российских регионов обусловлен тем, что с 2018 г. Научно-учебная лаборатория исследований в области бизнес-коммуникации по научным руководством А.Н. Шохина осуществила 4 научные экспедиции с целью выявления взаимодействия бизнеса и власти в указанные регионы.

Выстраивание деловой среды в каждом российском регионе носит индивидуальный характер, поскольку зависит не только от формальных институтов (медиаторов конфликтов), но и от неформальных институтов. Вначале мы рассмотрим правовые институты управления конфликтами в Чили, Аргентине и России, затем изучим практики формальных медиаторов в регионах. Экспедиционный опыт позволит выявить неформальные механизмы управления и дальнейшего урегулирования конфликтов.

Институты управления конфликтами в России, Чили и Аргентине

Конфликтный дискурс может не артикулироваться в публичном поле, однако, наличие институциональных механизмов для управления конфликтами позволяет сказать о том, что конфликты: 1) признаются различными акторами; 2)

созданы институты для управления и последующего урегулирования конфликтов. В России существует несколько уровней институтов по управлению и дальнейшему урегулированию конфликтов. Во-первых, федеральный уровень с различными органами государственной власти (Президент РФ, Правительство РФ, Государственная Дума РФ, Совет Федерации и пр.). Также на федеральном уровне имеется большое количество институтов медиации бизнеса и власти: Правительственные комиссии и рабочие группы (например, Министерство экономического развития РФ, Правительственная комиссия по вопросам конкуренции и развития малого и среднего бизнеса, Правительственная комиссия по экономическому развитию и интеграции и пр.), Общественные и экспертные советы в Совете Федерации (комитет Совета Федерации по экономической политике, комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам) и ГД РФ (комиссия по поддержке МСП при Государственной Думе РФ), Общественные и экспертные советы в министерствах и ведомствах, Сопредседательские и координационные органы, Парламентские слушания, согласительные комиссии. На федеральном уровне созданы 3 бизнес-ассоциации: Российский союз промышленников и предпринимателей, «Опора России» и «Деловая Россия». Довольно широкую поддержку оказывает институт бизнес-омбудсмена, имеющий крайне развитую региональную сеть (в каждом регионе РФ есть региональный защитник бизнеса). Стоит отметить, что каждая из бизнес-ассоциаций включает в себя координационные советы, комитеты, комиссии, реализующие поддержку бизнеса по различным отраслям и уровням. Кроме того, на федеральном

уровне есть Торгово-промышленная палата и различные согласительные комиссии. При этом система медиации довольно подвижна и зависит от внешних обстоятельств. Так, в апреле 2020 г. при Государственной Думе РФ появилась комиссия по поддержке малого и среднего предпринимательства, цель которой заключалась в отстаивании интересов бизнеса в условиях Covid-2019.

Во-вторых, региональная система институционального управления и урегулирования конфликтов в области бизнеса и власти является весьма разветвленной. Каждая бизнес-ассоциация имеет региональные отделения, а при губернаторе зачастую действует комитет по поддержке предпринимательства.

Рассмотрим предложенные кейсы. В Чили разрешение конфликтов осуществляется с помощью участия органов государственной власти или государственных служащих [31]. Например, в роли медиаторов могут выступать депутаты национального парламента или интенданты (прототип российских губернаторов). В органах государственной власти разрешение конфликтов может происходить с помощью специализированных групп, организованных внутри министерств и прочих государственных учреждениях. Ключевым преимуществом этой модели урегулирования конфликтов является то, что в ней оказываются задействованы специалисты и агентства, непосредственно связанные со сферой, в рамках которой возник конфликт. Третьим механизмом для разрешения конфликтов являются государственные институты, сочетающие и контроль, и возможность диалога (например, Дирекция по трудовым отношениям и занятости), что позволяет эффективнее созывать конфликтующие стороны для диалога. Однако, по мнению экспертов [42], недостатком таких

механизмов является то, что, поскольку так или иначе организатором и медиатором диалога является представитель власти, результаты договоренностей, которые могут быть достигнуты в процессе обсуждения конфликта, могут быть предвзяты и смещены в пользу интересов государства. Поэтому все больше в последнее время среди специалистов разных сфер, в особенности в области юриспруденции, звучат предложения о создании независимых институтов, которые бы осуществляли посреднические функции (например, создание Координационной комиссии по системе посредничества и надлежащего разрешения конфликтов), создание общего закона о посредничестве, подготовке специалистов-медиаторов, в том числе, с учетом области, в которой они работают.

В отличие от Чили, в Аргентине существует закон № 26.589 о «Посредничестве и примирении», в котором под медиацией (посредничеством) понимается способ разрешения конфликтов между двумя или

более людьми, предполагающего встречу сторон конфликта с посредником с целью достижения соглашения, прежде чем обратиться в суд [47]. В роли медиатора выступает специализированный адвокат, зарегистрированный в реестре посредников и не являющимся судьей и арбитром. Роль медиатора заключается в том, чтобы выслушать людей, находящихся в конфликте, облегчить им диалог и помочь им найти правильное решение проблемы [46]. Однако, наличие и использование данного института не гарантирует, что интересы экономических субъектов будут учтены органами власти, что подтверждают многочисленные случаи вмешательства аргентинского государства в частные компании и невозможность для частных компаний оспорить данные ситуации [50].

Ниже представлена таблица 1 формальных институтов по взаимоотношению бизнеса и власти в Аргентине, Чили и России.

Таблица 1
Институты управления конфликтами

Институты управления конфликтов в России	Институты управления конфликтов в Чили и Аргентине
<p>Федеральный уровень: со стороны власти - Органы государственной власти (ОГВ) (механизм «регуляторной гильотины»), Правительственные комиссии и рабочие группы, Общественные и экспертные советы в Совете Федерации и ГД РФ (комиссия по поддержке МСП при Государственной Думе РФ), Общественные и экспертные советы в министерствах и ведомствах, Совещательные и координационные органы, Парламентские слушания, согласительные комиссии;</p> <p>со стороны бизнеса - бизнес-ассоциации (РСПП, Опора России, Деловая Россия), Торгово-</p>	<p>Аргентина: закон № 26.589 о «Посредничестве и примирении», в котором под медиацией (посредничеством) понимается способ разрешения конфликтов между двумя или более субъектами, предполагающего встречу сторон конфликта с посредником с целью достижения соглашения</p>

<p>промышленная палата, институт бизнес-омбудсмена.</p>	
<p>Региональный уровень: со стороны власти – Органы государственной власти (ОГВ – рабочие группы и комиссии в исполнительной и законодательной власти ; со стороны власти - региональные отделения бизнес-ассоциаций, региональные бизнес-омбудсмены, Торгово-промышленные палаты, общественные советы по развитию МСП при губернаторе, региональные отделения программы «Мой бизнес»</p>	<p>Чили: органы государственной власти (специализированные группы внутри министерств и государственные институты, сочетающие функции контроля и диалога) и государственные служащие (депутаты национального парламента или/и интенданты).</p>

Анализ показал, что во всех изучаемых государствах крайне обширная сеть управления дальнейшим урегулированием конфликтов. Специфика регионального взаимодействия фиксируется в Чили и России, в то время как в Аргентине данных об этом не обнаружено. Ниже будет представлен детальный анализ взаимодействия бизнеса и власти в России, Чили и Аргентине в условиях Covid-2019.

Роль бизнес-ассоциаций в условиях конфликтного дискурса (Свердловская, Рязанская, Владимирская, Калужская области).

Данная часть работы базируется на исследовательских материалах (анализе прессы, интервью, наблюдениях) 4-х экспедиций, проведенных Научно-учебной лабораторией исследований в области бизнес-коммуникаций в 2018-2020 гг. Основная цель всех экспедиционных поездок - изучение особенностей бизнес-коммуникаций в регионах в современных условиях и в исторической динамике. Одна из задач заключалась в том, чтобы проанализировать основные проблемные зоны, связанные с коммуникацией между

бизнес-ассоциациями, бизнесом и представителями государственного управления разных уровней, различными социальными группами, общественными организациями и другими акторами. Представленная работа осветит проблему взаимодействия региональных бизнес-ассоциаций в конфликтном дискурсе. Данное исследование базируется на 18-ти интервью (4 интервью с представителями региональных отделений РСПП, 3 - с представителями регионального отделения Опоры России, 3 - с представителями Деловой России, 8 - с предпринимателями).

Функции бизнес-ассоциаций в управлении и урегулировании конфликтов между бизнесом и властью

Каждое региональное отделение бизнес-ассоциаций действует, в первую очередь, согласно Уставным документам организаций (уставы РСПП, Опоры России, Деловой России, Торгово-промышленной палаты). Однако, каждый регион уникален, а потому их функции и их роль отличается друг от друга, подстраиваясь, прежде всего, под региональную специфику. В связи с этим,

выявление конфликтного взаимоотношения в каждом регионе проводилось отдельно: вначале была изучена пресса, а затем проводились интервью.

Рязанская область: контент-анализ проводился с 2018-2020 гг. На базе данных публикаций выделенного СМИ проводился поиск по ключевым словам, затем анализировался контекст каждого случая упоминания ключевого слова и определялось в связи с какой повесткой оно использовалось. Ключевые слова запроса: «бизнес», «конфликт», «разногласия», «договоренность», «взаимодействие». Всего за выбранный промежуток времени было найдено 137 публикаций с соответствующими ключевыми словами. Из всех сообщений 33,6% положительно описывают упоминавшийся в публикации бизнес, 8% негативно его описывают и 58,4% нейтрально описывают. Примечательно, что наименьшую долю представляют негативно-окрашенные информационные сообщения. При этом негативные сообщения о бизнесе связаны либо с уклонением бизнеса от уплаты налогов, либо с ведением экономической деятельности, которая представляется социально-вредной (торговля алкоголем или организация азартных игр). Достаточно большое количество информационных сообщений (25,6%) связано с освещением деятельности малого бизнеса или региональной власти в отношении малого бизнеса.

Наибольшее количество информационных сообщений основано на освещении деятельности региональной власти или городской администрации, а также оценки проводимой ими политики в отношении бизнеса. Стоит отметить, что в этих сообщениях бизнес представляется как пассивный игрок, к которому власть либо обращается с призывом что-либо

сделать (например, помочь поддержать какой-то социальный проект), либо которому власть оказывает ту или иную поддержку. В 2020 г. тема конфликтности особенно обострилась, что было связано с мерами поддержки бизнеса в регионах, которая, по мнению бизнесменов, «крайне низкая».

Один из крупнейших рязанских бизнесменов, депутат Рязанской областной Думы от «Единой России» Игорь Трубицын выступил на заседании регионального парламента: «Я не услышал ни слова, что вами сделано в защиту прав предпринимателей. Я – предприниматель. Вот вы докладываете, я думаю – может, вы общаетесь с другими предпринимателями? – Обращался к бизнес-омбудсмену депутат. – Ваша позиция – как будто вы какой-то аналитик, а не реально тот человек, который сегодня, наверное, уполномочен защищать предпринимателей». Позицию уполномоченного Трубицын назвал странной, сообщил, что «конкретной работы» не увидел. [23].

Свердловская область: контент-анализ СМИ проводился в 2018-2020 гг. в обозначенных СМИ (таблица 2). Ключевые слова запроса: «бизнес», «конфликт», «разногласия», «договоренность», «взаимодействие». В результате было проанализировано 123 источника. Отметим, что в Свердловской области, в отличие от Рязанской, ситуация с позиционированием бизнеса в СМИ значительно отличается. Бизнес намного больше представлен в СМИ в качестве *равного игрока власти* и в большинстве статей подчеркивается: «Бизнес – равный партнёр» и «бизнес – участник проектов». Власть нередко обращается к бизнесу с просьбами поддержки крупных инфраструктурных объектов региона

(пример - поддержка в строительстве спортивного стадиона). В 2020 г. тема конфликтности была обострена во всех регионах и касалась, прежде всего, финансовой поддержки МПС. Важно отметить довольно активную роль бизнес-ассоциаций в СМИ. В конфликтных ситуациях Свердловское отделение РСПП не отметилось, напротив, было большое число публикаций о благотворительных проектах, например, «Екатерининская Ассамблея», где на благотворительном вечере было собрано более 30 млн руб. на покупку переносных аппаратов искусственной вентиляции легких (ИВЛ) для тяжелобольных детей [27].

Калужская область: контент-анализ СМИ проводился в 2018-2020 гг., было проанализировано 87 источников по ключевым словам. Отметим, что в прессе почти отсутствует тема конфликтности между бизнесом и властью, поскольку отмечена позиция, скорее, равных игроков. Власть предоставляет условия для бизнеса, а бизнес занимается экономической деятельностью, предоставляет рабочие места, развивает регион. Однако,

встречается тезис о том, что: «Власть поддерживает только крупный бизнес, это все знают в регионе. Маленькие магазинчики, предприятия стараются, но им даже займ получить намного сложнее. Просто власти нужны большие объёмы типа фармацевтического кластера», - рассуждает предприниматель из Калужской области.

Владимирская область: Владимирская область в СМИ (было проанализировано 110 источников) имеет схожие тенденции по конфликтному дискурсу с Рязанской областью. Власть и бизнес - неравные игроки. Власть - главный игрок, она определяет правила и возможности бизнеса. В период 2020 г. тема конфликтности обострилась (отсутствие финансовой поддержки, частые проверки), однако, бизнес стал более активно себя проявлять. «Знаете, если бы не Коронавирус, я бы и не знала, что у нас в регионе столько активного бизнеса. Общие проблемы всех сплотили, появилось сообщество», - отмечает предпринимательница из Владимирской области.

Таблица № 2 Роль бизнеса в региональной прессе

Регион	Публичные темы конфликтов между бизнесом и властью	Участие бизнес-ассоциаций в урегулировании конфликтов (в прессе)	Источники
Рязанская область	-Социальная ответственность бизнеса; - Поддержка бизнеса во время Covid-2019; -Конфликт, связанный с уголовным делом, заведенным на экс-уполномоченного по защите прав	Слабо отражено в прессе (упоминалась ТПП и Опора России).	Вечерняя Рязань; Комсомольская Правда; Мещерская сторона; Московский Комсомолец; Новая Газета; Панорама города;

	<p>предпринимателей Егора Бурцева;</p> <p>-Низкая поддержка малого и среднего бизнеса</p>		Рязанские Ведомости
Свердловская область	<p>- Низкая поддержка МСП в период Covid- 2019;</p> <p>-Социальная ответственность бизнеса;</p> <p>-Нехватка профессиональных кадров;</p>	Значительная роль бизнес-ассоциаций отражена в СМИ	Коммерсант Екатеринбург; URA RU, МК-Урал, Наша газета
Калужская область	<p>- Низкая поддержка МСП в период Covid- 2019;</p> <p>-Социальная ответственность бизнеса;</p> <p>- Поддержка крупного бизнеса в ущерб малому бизнесу;</p> <p>- Снижение экономических темпов роста</p>	Слабо отражено в прессе (упоминалась ТПП и Опора России).	КР40.ru, Kaluga24.tv, Kaluganews.ru, Obninsk.name, Калужский перекресток, Калужская неделя.
Владимирская область	<p>- Низкая поддержка МСП в период Covid- 2019;</p> <p>-Социальная ответственность бизнеса;</p> <p>- Отсутствие механизмов поддержки бизнеса;</p> <p>-Отток населения, нехватка профессиональных кадров</p>	Слабо отражено в прессе (упоминалась ТПП и Опора России).	Владимирские ведомости, МК во Владимире, портал Pro-Город33, Старт 33, Аргументы и Факты-Владимир

Анализ прессы проводился с целью пониманию того, насколько конфликтный дискурс проявляется в публичном поле.

Далее сконцентрируемся на функциях бизнес-ассоциаций, которые удалось

вывить при помощи экспедиционных интервью.

1. Продвижения интересов бизнеса

Прямо или косвенно, но все бизнес-ассоциации во всех российских регионах указывали на то, что функция продвижения интересов бизнеса для них является одной из основных. «А у нас очень мощная лоббистская функция, мы защищаем интересы бизнеса, мы продвигаем бизнес, мы информируем бизнес, мы занимаемся даже государственной функцией – сопровождение экспортной деятельности в бизнесе, мы образовываем бизнес – у нас есть Учебно-методические центр, где идут семинары, круглые столы» <...>, «Мы не занимаемся политикой, мы занимаемся экономикой сугубо, ну вот чем крепче мы становимся, экономика потом все равно перерастает в социальную сферу и в политику», - ТПП Рязанской области.

Однако, в некоторых регионах фиксируется крайне интересный факт: власть тоже продвигает интересы бизнеса, поскольку сама заинтересована в успешном бизнесе. «Для Опоры России Единая Россия является нашим главным партнером, потому что мы занимаемся бизнесом, нам порой нужно лоббирование наших бизнес-условий, а т.к. Единая Россия - это партия большинства во всех парламентах: городских, областных, государственных парламентах - это наш основной лоббист, наша основная поддержка в лоббировании наших законодательных инициатив», - Опора России, Владимир.

2. Управление конфликтами между бизнесом и властью

Вторую функцию, которую можно выделить из интервью с представителями бизнес-ассоциациями и предпринимателями, функция управление конфликтами. Однако,

дискурс конфликтности фигурирует не столь часто, скорее, подчеркивается, что у бизнеса менее выгодная позиция по отношению к власти. «У нас включают совместные проверки, при проведении проверок предпринимателей. Т.е., когда у нас возникают какие-то проблемы, или нам предприниматели сигнализируют о том, что возникает административное или другое давление на них, мы выходим на проверки вместе с контрольно-надзорными органами.», - Свердловское отделение РСПП. Или еще одно заявление. «Есть одна особенность: ему (омбудсмену) поступает жалоба от бизнеса, и он эту жалобу по предприятию обрабатывает. Мы же работаем с массой предприятий, когда затрагиваются их системные проблемы и профессиональные интересы. Он индивидуально работает по каждой жалобе, мы же анализируем какую-то проблему и советуем, как ее решать.», - ТПП Владимирской области.

3. Законодательная деятельность по продвижению интересов бизнеса

Правотворческая деятельность для региональных бизнес-ассоциаций является одной из самых важных. Однако, она различается по степени участия как от ассоциаций, так и от региона. Например, в наибольшей мере, как показал экспедиционный период, вовлечены региональные отделения РСПП (особенно в Свердловской области). Во Владимирской области бизнес-ассоциации в меньшей степени вовлечены в правотворческую деятельность. «Что является основными ветками направления деятельности нашей общественной организации - это, прежде всего, взаимодействие с органами исполнительной и законодательной власти региона и с целью формирования общей позиции для обсуждения тех нормативно-правовых актов, которые у нас принимаются на территории субъекта РФ.

Выработка общей позиции по формированию федерального законодательства, потому что мы участвуем и в экспертизе федерального законодательства. Недавно все региональные отделения проводили экспертизу вносимых изменений в Уголовный кодекс», - Опора России, Рязань.

Отметим, что наиболее частая функция бизнес-ассоциаций, по мнению респондентов, лоббирование различных интересов бизнесов, а решение конфликтов или создание механизмов по их снижению более редкая практика. «Вы знаете, мы не прокуратура и не система правоохранительных органов, если начинается конфликт, то мы всегда настаиваем на его правовом поле», - РСПП Свердловской области. Не стоит забывать и о латентных конфликтах, которые могут явно не позиционируются в СМИ, однако, встречаются в интервью. Их решение еще более затруднительно не только по мнению бизнес-ассоциаций, но и самих бизнесменов. «Есть решение местных властей о поддержке крупных, зарубежных предприятий. Даже, если предприятия отечественные, то всё равно крупные. А что с малым и средним? Он постепенно вытесняется. Например, ему не продляют лицензии, многие закрываются. Безусловно, это наша реальность и большая беда. Но как можно решить это? Это большая проблема, но о ней никто не говорит», - бизнесмен из Калужской области.

Инструменты региональных бизнес-ассоциаций по урегулированию конфликтов (РСПП, Опора России и др.) на региональном уровне власти на основании анализа прессы и интервью

Одна из наиболее важных частей данного исследования заключается в том, чтобы выявить ключевые инструменты по урегулированию конфликтов. Сложность

данной части заключается в том, что сами конфликты, как мы отметили ранее, артикулируются в прессе, а не в интервью. Несмотря на это, выявим основные инструменты решения конфликтов между бизнесом и властью.

1. Разделение полномочий власти и бизнеса

Такой инструмент как разделение полномочий несмотря очевидность, является одним из самых важных во взаимодействие бизнеса и власти. Бизнес-ассоциации имеют хоть и большой, но все же ограниченный функционал урегулирования конфликтов. «Я хотел бы сказать, что у нас конструктивные деловые отношения с властью, уважительные отношения, другое дело - мы должны четко понимать, что они могут, а что мы можем. И вот здесь искать какие-то точки соприкосновения, чтобы объединить усилия и решать наши вопросы. Вот в чем заключается наша система взаимоотношений», - спикер из Рязанского отделения РСПП.

Нередко функция бизнес-ассоциаций заключается не в прямом урегулировании конфликта, а в том, чтобы его разложить на составляющие: стороны конфликта, союзники, план решения проблемы. Возможен и вариант поддержки предпринимательства со стороны уполномоченных по защите прав предпринимателей. «Общественники, работающие для бизнеса, не имеют неограниченного функционала. У нас нет больших ресурсов. К тому же надо понимать, что проблема никогда не решается в одном кабинете, даже в самом высоком. Всё равно понадобится подключение многих игроков. Поэтому вначале разбора ситуации мы всегда думаем, чьи здесь интересы, кто может стать нашим союзником, - Деловая Россия, Свердловской области.

2. Юридические и правовые консультации

Наиболее часто называемой функцией по урегулированию конфликтов между бизнесом и властью можно назвать поддержку в правовом регулировании или консультации предпринимателей. Важно отметить, что бизнес-ассоциации занимаются правовым регулированием с точки зрения выработки нормативных актов, предложения по их доработке, наличие различных предложений. «У нас много функций, например, участие в разработке, корректировке федеральных и региональных программ и законов, продвижение перспективных международных проектов, транслирование инициатив и предложений уральского бизнеса на различные уровни власти. Новые федеральные и региональные тренды развития влияют и на структуру Союза, что позволяет более эффективно выстраивать взаимодействие с властью» - Свердловское отделение РСПП.

В 2020 г. (в связи с Covid-2019) деятельность пришлось немного перестраивать: скорость принятия решений значительно увеличилась, все предложения бизнеса активно доходили до руководства региона. Несмотря на сложность, Свердловское отделение РСПП приводит успешный пример лоббирования интересов бизнеса⁴⁶: рассрочка по уплате налогов на имущество, снижение ставки налогообложения по доходу, что оказало значительную поддержку бизнесу. СОСПП остаётся участником обсуждений главного закона региона - Закона о бюджете. Несмотря на то, что 70% средств уходит на социальные обязательства, активно продолжается

дискуссия о создании новых, приоритетных проектов (например, развитии технологических технопарков) и участии в национальных проектах страны.

Важная функция бизнес-ассоциаций также заключается в прямых правовых консультациях предпринимателей, которым органы государственной власти не всегда оказывают подобную поддержку. «Все зависит от конкретной проблемы. Я помню, что у меня была проблема с регистрацией ООО, я неправильно оформила заявку, начались проволочки, а у меня уже мини-бизнес. Думала, гуглила, что делать. Мне выпал сайты Опоры России, ну, думаю, позвоню. Встретились через несколько дней, мне подробно объяснили, помогли. Конечно, я вступила в организацию, стала ее участницей, потому что здесь всегда подскажут к кому обратиться. Просто власть мне не могла понятно и доступно объяснить», - предпринимательница, Калужская область.

Проблема «закрытости» власти, отсутствие организаций, которые бы осуществляли поддержку бизнеса, является довольно острой в российских регионах, а потому механизм поддержки в правовом поле является крайне важной функцией бизнес-ассоциаций. «Иногда бизнесу нужно просто доступно объяснить нововведения, чтобы мы поняли для чего это нам», - предпринимательница, Калужская область.

Еще один крайне интересный пример по взаимодействию бизнес-ассоциаций и власти заключается в частичном согласовании кадровой политики, которая часто оказывается в конфликтном дискурсе. Во многом это происходит по причине того, что чиновники редко бывают выходцами из

организованного Кафедрой теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ.

⁴⁶ Комментарий от СО СПП был получен 3 марта в рамках факультатива «GR в современной России: теория и практика»,

бизнеса, а потому конфликтность дискурса обеспечена разными интересами обеих групп. «Вот один пример. Конкретный пример: не так давно, ещё министерство промышленности было, звонит мне министр и говорит: "Иван Иванович, вы не возражаете..." Я так притих и думаю, где же я должен возражать? - "Тут вот такой человек, мы его берём заместителем министра..." Рот разинул я конечно на сколько мог от удивления. Я говорю: "Ну а я-то причём?" - "Вы извините, но меня просил зам губернатора, который курирует промышленность, согласовать с вами". Вот это конкретный пример, это отношение наше. Это лишние движения в нашу сторону, они хотят показать просто, что мы с вами, мы вас ходим слышать, мы ходим даже в таких вроде бы серьезных кадровых вопросах и то вот с вами согласовывать.», - спикер из Рязанского отделения РСПП.

3. Система создания каналов по взаимодействию бизнеса и власти: круглые столы и бизнес-завтраки

Важная роль бизнес-ассоциаций заключается в том, чтобы создавать каналы для взаимодействия бизнес и власти, то есть способы коммуникации для решения конфликтов. Одним из таких механизмов бизнес-ассоциации называют организацию круглых столов, а также более новую форму - бизнес-завтраки. «Бывают конфликты, тогда нужен, условно говоря, Третейский суд. Что это значит? Мы собираем абсолютно все стороны конфликта: бизнесмены, власть, общественники и начинаем разговаривать с каждым, всех выслушиваем. Это не один день занимает иногда, но в итоге, через несколько раундов обсуждений, взаимные претензии утихают. Часто исход таких встреч положительный. Часто мы делаем это в формате бизнес-завтраков с губернатором, который принимает очень

активное участие в разрешении проблем.», - спикер из ТПП Калужской области.

Экспедиционный опыт показал, что все 4 изучаемых региона организуют круглые столы, на которые приглашают чиновников и бизнесменов для выработки общих позиций по ключевым вопросам в регионе, обсуждения ключевых проблем. По сути, подобные встречи являются возможностью для объяснения каких-то решений власти, а для бизнеса - возможностью задать вопросы. Однако, регионы неоднородны по эффективности круглых столов как формы урегулирования конфликтов. Например, в Свердловской и Калужской области такие форматы являются постоянными механизмами поддержки коммуникации (в Свердловской области на базе регионального отделения РСПП, в Калужской области на базе Торгово-промышленной палаты). В Свердловской области также проводят ежегодные опросы предпринимателей, позволяющие выявить основные проблемы бизнеса (на основании этого готовится пакет решений), настрой бизнеса (что стало особенно актуально в период Covid-2019). «Иногда проводят круглые столы, приглашают туда всех. Я хоть смог вопрос, интересующий меня задать. Но иногда ощущение, что после ничего не изменится», - предприниматель, Рязанская область.

Анализ оказал, что реальные инструменты по урегулированию конфликтов у бизнес-ассоциаций есть, однако, их эффективность во многом зависит от открытости и готовности идти на диалог всех сторон взаимодействия. Проблема не только в том, что власть в некоторых регионах вспоминает о бизнесе, когда ей что-то нужно построить / открыть (как показал опыт Рязанской области), но и в том, что бизнес не везде представляет собой сообщество, готовое к отстаиванию собственных интересов. Именно поэтому

функция бизнес-ассоциаций, которая не всегда прямо артикулировалась в интервью, состоит и в создании среды для формирования бизнес-сообщества. Во многом это позволило бы не решать точечные проблемы некоторых предпринимателей, а проводить структурные изменения на региональном уровне.

Успешные практики по урегулированию конфликтов между бизнесом и властью.

1. Номер телефона губернатора бизнесу

Несмотря на наличие институциональной среды по управлению и урегулированию конфликтами в лице бизнес-ассоциаций, многие предприниматели, а иногда и члены ассоциаций, заявляют о том, что урегулирование проблемы или конфликта проще осуществить по звонку вышестоящему лицу. Однако, есть примеры региональных практик, когда срабатывает обратная тенденция: губернатор даёт свой номер телефона инвесторам, бизнесменам. Подобная практика существует в Рязанской области,

где губернатор Николай Любимов готов к прямому диалогу с инвесторами и бизнесом (в Калужской области долгое время действовала такая же практика): «Нужно не бояться давать свой номер инвесторам [18]». В регионе отмечали, что открытость губернатора позволяет бизнесу открыто формулировать свои запросы к власти.

2. Бизнес-завтраки для предпринимателей

Выше мы уже рассматривали бизнес-завтраки – как возможность для разбора общих проблем (подобный механизм действовал в Калужской области). Однако, стоит отметить, что в Свердловской области подобная практика тоже существует: например, представители Деловой России отмечали, что встречи «без галстуков» – это возможность узнать свежие новости о нововведениях от власти, возможность привлечения инвесторов.

Ниже представлена диаграмма с результатами того, какие механизмы урегулирования конфликтов использовали считают наиболее эффективные все респонденты (рис. 1).

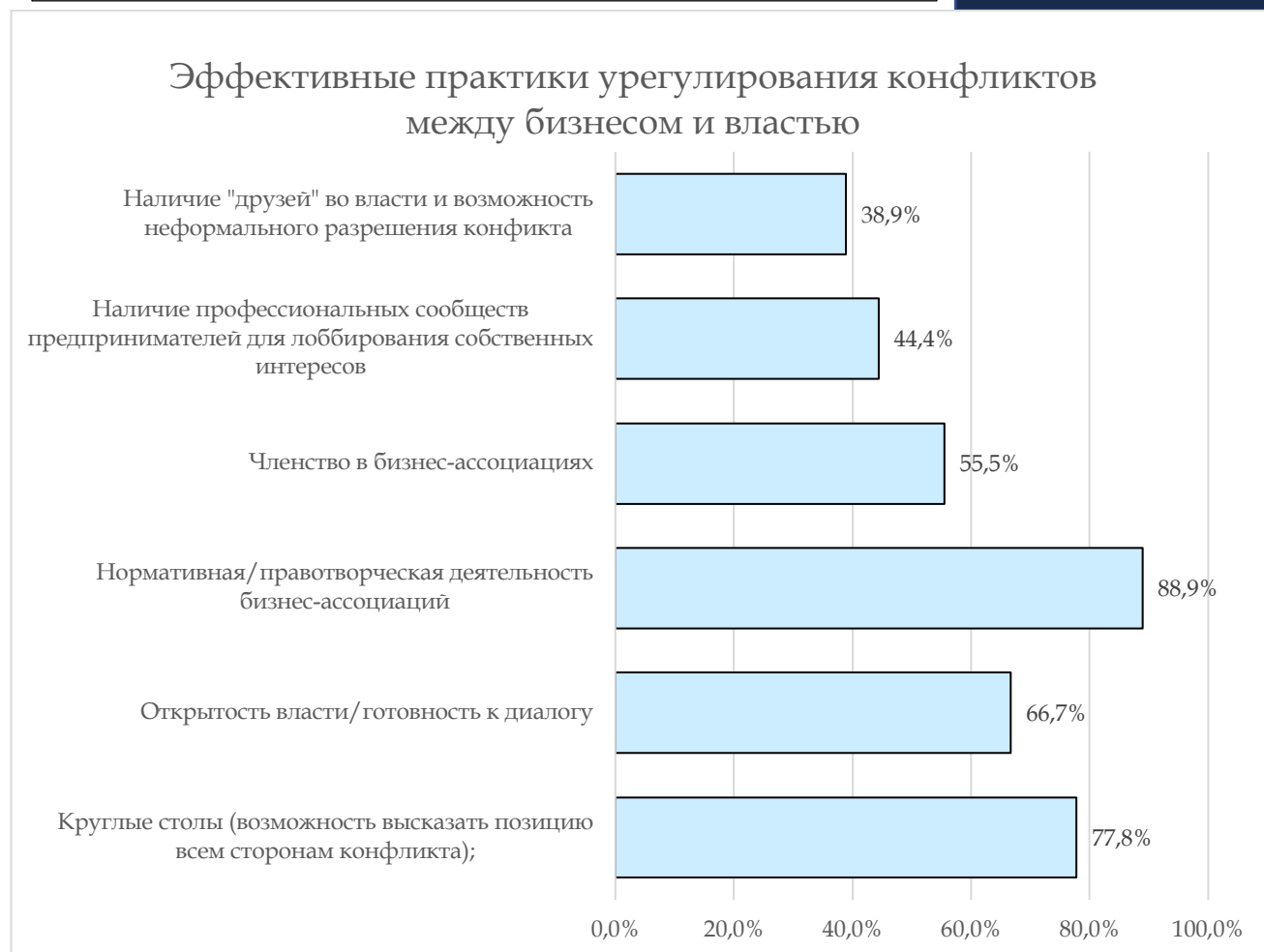

Рисунок 1. Эффективные практики урегулирования конфликтов (N=18)

Как видно из диаграммы, наименьшее число респондентов (7 респондентов) называют в качестве успешной практики урегулирования конфликтов наличие и использование неформальных связей по урегулированию конфликтов, что является позитивным трендом по институционализации взаимодействия бизнеса и власти. При этом, наибольшее влияние на урегулирование реальных и потенциальных конфликтов оказывает правотворческая деятельность бизнес-ассоциаций (16 респондентов), позволяющая не только продвигать интересы бизнеса, но и формировать

площадку для обмена мнениями и успешными практиками.

Обзор зарубежного опыта в рамках конфликтного дискурса: кейсы Аргентины и Чили

Выбор Чили и Аргентины для исследования обусловлен тем, что, как и Россия, оба государства относятся к категории развивающихся экономик. Кроме того, с точки зрения исторического контекста все три государства в XX в. относились к недемократическим режимам [40], последствия которых до сих пор в той или иной степени оказывают влияние на политическую и экономическую сферы государств.

Институты, регламентирующие взаимодействие бизнеса и власти в государствах и медиацию между ними

Для начала немного разберем, какие права и гарантии имеет бизнес в Чили. Основные права бизнеса закреплены в Конституции государства в 19 статье [35]. Среди них можно выделить следующие:

1. **Свобода союзов и ассоциаций** (п. 15): возможность без предварительного разрешения и без каких-либо требований создавать законные организации, входить в них, оставаться в них и выходить из них.

2. **Недопустимость дискриминации** со стороны государства и его учреждений по отношению к экономическим субъектам (п. 22): запрещается устанавливать произвольную и нерациональные привилегии в прямой или непрямой форме в отношении каких-либо экономических субъектов.

3. **Право на любую экономическую деятельность** при условии, что она не противоречит морали, общественному порядку или национальной безопасности. (п. 21).

4. **Право собственности.** (п. 24): закрепляется уважение и защита собственности для всех видов имущества. Это утверждение является основой всей чилийской нормативной системы.

5. **Верховенство Конституции:** Конституция гарантирует всем гражданам предоставляемые ею основные права, и ни один закон не может нарушать их сущность и затрагивать неотъемлемые права граждан ни при каких обстоятельствах.

Помимо этого, в Чили действует так называемое "Средство правовой защиты" (El Recurso de Protección, 2011). Этим механизмом можно воспользоваться в случаях, если фундаментальные конституционные права, которыми

располагает экономический субъект, были нарушены или каким-либо образом ущемляются незаконными или произвольными действиями государственного управления. Суть механизма заключается в обращении в Апелляционный суд с целью принятия этим органом постановлений и гарантий, направленных на восстановление нарушенного верховенства права и непроизвольных действий государственных органов. Данный механизм дает всем экономическим субъектам возможность оспорить неправомерные административные нарушения, которые были на них наложены, несмотря на происхождение субъекта (государственное или частное) Это, в свою очередь, создает привлекательный предпринимательский климат в стране, поскольку уменьшается риск необоснованного или произвольного закрытия собственного предприятия / бизнеса или его отчуждения у собственника.

На основе вышеприведенных пунктов мы можем сказать, что взаимодействие бизнеса и власти строится, прежде всего, на трех фундаментальных нормах: верховенство права, право на занятие любой экономической деятельности и право организовывать союзы. Несмотря на уменьшение политической роли и силы профсоюзных организаций [51], что стало особенно очевидно во время пандемии Covid-19, в Чили по-прежнему достаточно сильны предпринимательские ассоциации. Наиболее влиятельными предпринимательскими ассоциациями в настоящий момент являются: Торговая палата Сантьяго и Национальная палата торговли, услуг и туризма, Общество производственного развития (Sociedad de Fomento Fabril (SOFOFA)), Конфедерация производства и торговли (КПТ) и

Ассоциация предпринимателей Чили. Вместе данные организации в 2014 г. смогли заставить чилийских властей отказаться от программы “Фонда налогооблагаемой прибыли” (Fondo de Utilidades Tributables (FUT)), направленного на увеличение уровня налоговых сборов со всех типов предприятий [53].

Главным инструментом по взаимодействию бизнеса и власти стал институт лоббизма, который был легализован в Чили в том же 2014 г. В чилийском общественном дискурсе существуют разные точки зрения насчет легализованного института лоббизма - как положительные, так и отрицательные [29]. Тем не менее, его очевидный плюс заключается в том, что он помогает экономическим субъектам через легальные каналы устанавливать контакты с разного уровня чиновниками, в то время как последние обязаны отчитываться о проведенных встречах, полученных подарках и совершенных подарках за чужой счет, что в целом повышает прозрачность (transparency) политического процесса и подотчетность (accountability) госслужащих. Кроме того, институт лоббизма помогает предпринимателям малого и среднего бизнеса, а также всем частным компаниям получить доступ к лицам, принимающим решения, тем самым получая возможность влиять на важные для своей деятельности политические решения. Это становится особенно актуальным в контексте Чили, поскольку со стороны государства присутствует тенденция прикрывать оплошности и прочие нарушения государственных компаний [54], тогда как частные компании вынуждены сталкиваться с общественным давлением и больше заботиться о своей репутации.

В Аргентине отношения бизнеса и власти можно назвать напряженными, что

вызвано продолжительной историей политической и экономической нестабильности. Два наибольших зла, которые преследуют экономику государства цикл за циклом, - недостаток валютных резервов в казне Центрального банка и, как следствие, низкая ликвидность. В настоящий момент годовая инфляция остается на уровне 20%. Поэтому в отношении бизнеса с начала 2000-х по 2015 г. под влиянием идей левого популизма “kirchnerismo” происходило масштабное государственное вмешательство в экономику с антирыночной риторикой [36]. Кроме того, в отличие от Чили, сама аргентинская Конституция ставит бизнес в ряд с субъектами, которые нарушают права человека [49]. Закон № 25.250 о трудовой реформе в 2000 г. в отношении предпринимательских ассоциаций ввел понятие “представительность”, не уточняя при этом ее суть и критерии [28]. По сути государство наделяет себя правом объявлять ассоциацию нерепрезентативной и тем самым исключать ее из системы коллективных трудовых отношений.

В связи с такими напряженными отношениями между бизнесом и властью, важным каналом для диалога между двумя сторонами выступают предпринимательские ассоциации. В настоящее время на национальном уровне зарегистрировано около 910 предприятий [44]. Критерии для объединения столь же разнообразны, как и спектр компаний, которые они представляют: крупные и малые, региональные и национальные, богатые и бедные, современные и отсталые отрасли и т.д. Наибольшее значение в национальной политической и экономической жизни государства имеют такие организации, как Аргентинская Аграрная Федерация (FAA), Конфедерация сельских ассоциаций

Буэнос-Айреса и Ла-Пампа (CARBAP), Аргентинский промышленный союз (MAU) и Аргентинские сельские Конфедерации (CRA).

Все предпринимательские организации можно разделить в зависимости от их функционала: 1) организации, специализирующиеся на лоббизме; 2) организации, которые занимаются коммерческим нетворкингом (networking comercial) в качестве основной деятельности; 3) организации, которые посвящают большую часть своего времени управлению общими интересами в едином секторе; и 4) организации, которые действуют как площадка для распространения и транслирования предпочтений экономических субъектов [28]. Непосредственное отношение к налаживанию связей с органами государственной власти имеют организации, занимающиеся лоббизмом. В их задачи входят: мониторинг предложений по государственной политике, предоставляемых Конгрессу; налаживание связей с должностными лицами; разработка предложений и позиций, согласно интересам представленных в ней компаний, а также организация встреч с государственными органами. Такие организации обычно имеют большие размеры, что дает им возможность влиять на общественную повестку. Ее степень влияния зависит от числа входящих в нее членов и их размера, связей с другими субъектами (например, с государственными должностными лицами, правительствами других стран или международными организациями).

Организации, относящиеся к четвертой категории, также можно назвать ответственными за взаимодействие бизнеса с властью. Отраслевое управление, по преимуществу, осуществляется секторальными бизнес-ассоциациями. В отличие от организаций,

специализирующихся на лоббировании предпринимательской деятельности, сфера управления интересами ограничивается конкретным сектором деятельности и, кроме того, не замыкается исключительно на связях с правительством. Напротив, у них довольно широкий круг партнеров: профсоюзы, другие деловые и технические организации, международные организации, неправительственные организации и т.д. Эффективность отраслевых бизнес-ассоциаций тесно связана с экономическими условиями их сектора деятельности. В этом смысле они работают над улучшением возможностей для бизнеса и прибыльности компаний. Их основными видами деятельности являются подготовка технико-статистических отчетов об эволюции сектора, разработка предложений и программ по совершенствованию показателей эффективности сектора и переговоры о заработной плате и условиях труда от имени компаний сектора (которые могут или не могут быть членами организации).

Последний тип бизнес-ассоциаций, которые можно выделить в Аргентине, являются организации, которые выступают в качестве форума для выражения предпочтений представителей бизнеса. Данные организации, прежде всего, служат пространством для обмена предложениями, размышлениями, взглядами и требованиями по отношению к политическим решениям властей. Общественная видимость, которую обычно имеют эти организации, позволяет идеям / предложениям и критике, высказанным на данной площадке, выходить за их пределы и влиять на граждан, политиков и чиновников. Наиболее важными мероприятиями, проводимыми в рамках этих организаций, являются дни или коллоквиумы, на которых различные участники

представляют свои позиции по различным темам; и печатные и / или цифровые публикации, которые укрепляют содержание и ориентацию корпоративных требований и предпочтений.

В свою очередь, со стороны власти для взаимодействия с экономическими субъектами можно выделить такой институт как “консультативное пространство” (*espacios consultivos*), которое, по своей сути, представляют открытые столы, на которых представители бизнеса и власти обсуждают различные политические и экономические вопросы [33]. В зависимости от их характера, диалоговые пространства могут быть консультативными (*consultivos*), пропозитивными (*propositivos*) или обязательными (*vinculantes*). Консультативные подразумевают встречи, к которым государственные деятели обращаются для консультаций с представителями частного сектора по темам, которые, по мнению власти, являются актуальными. Во время пропозитивных встреч представители бизнеса могут взять на себя инициативу и сформулировать предложения для оценки государственным сектором политических программ и решений. На обязательных встречах между сторонами генерируется консенсус, на основе которого могут быть приняты решения, которые должны быть реализованы. Недостатком данного инструмента является механизм отбора участников проводимых встреч, на которые могут попасть, например, небольшие ассоциации или ассоциации, объединяющие предпринимателей узкой специальности.

Из всего вышесказанного, мы можем сделать вывод, что в Чили взаимодействие бизнеса и власти носит характер сотрудничества и партнерства, в то время как в Аргентине это, скорее, похоже на борьбу, когда одна сторона пытается

влиять на другую. Также мы можем обратить внимание на то, что, поскольку Чили имеет благоприятную и стабильную политическую и экономическую обстановку, предпринимательские ассоциации имеют тенденцию к объединению в большие организации по нескольким основным направлениям. В Аргентине, напротив, из-за нестабильной экономической и политической обстановки, в том числе, наращивание мощи государства в экономике, экономические субъекты склонны объединяться в разного рода ассоциации как на горизонтальном, так и на вертикальном уровнях, по разного рода критериям.

Анализ взаимодействия бизнеса и власти в период пандемии Covid-19 в 2020 г. в Чили и Аргентине в процессе разработки мер поддержки предпринимательства

В Чили во время пандемии Covid-19 власть не проводила консультации ни с крупными предприятиями, ни с бизнес-ассоциациями. Экономические меры поддержки, которые приняло чилийское правительство, прежде всего, были направлены на обеспечение достаточного уровня ликвидности в финансовой системе, с тем чтобы банки могли оказывать предприятиям кредитные услуги. Для бизнеса меры поддержки включали возможность прекратить свою деятельность без выплаты заработной платы и отсрочку уплаты налогов. Для индивидуальных предпринимателей помощь в основном заключалась в том, чтобы смягчить доступ к собственным сбережениям через страхование по безработице. Также были предоставлены низкие процентные ставки с целью усиления спроса со стороны пострадавших предприятий и социальных групп. Касательно сотрудников компаний был принят закон “О защите занятости”, были

введены пособия по безработице и запрет на увольнение работников [52]. Однако, данные меры вызвали много споров в общественном дискурсе. Так, например, отмечается, что экономические субъекты будут вынуждены платить больше налогов в будущем, что может привести к их ликвидации, а трудящиеся несут значительную потерю сбережений и, следовательно, становятся незащищены в посткризисных ситуациях в случае безработицы [30]. Также экономический план правительства считают недостаточным, так как он не приводит к восстановлению всей цепочки производства (от производителя до потребителя), что в свою очередь не дает экономике страны эффективно функционировать [32].

В Аргентине, несмотря на отношения борьбы между бизнесом и властью, в период пандемии Covid-19 между властью и бизнесом наблюдалось достаточно партнерское взаимодействие. Так, бизнес-палаты и ассоциации направляли требования и предложения частного сектора государственным органам, а в некоторых случаях создавались инстанции для централизованного приема предложений о сотрудничестве от частного сектора и их координации органами государственной власти разного уровня. Меры, предложенные бизнес-ассоциациями, включают программы поддержки ликвидности предприятий, такие, как отсрочка или освобождение от уплаты налогов и ускорение платежей государственным поставщикам. Кроме того, в случае если доходы значительно снизились, чтобы иметь платежеспособность, палаты предложили упростить процедуру получения кредитов для предприятий, главным образом для МСП [34].

В отличие от чилийского правительства, аргентинское предоставило бизнесу широкую программу поддержки по разным направлениям [48]. Например, важными экономическими программами для поддержки аргентинского бизнеса стали Программа “Содействия трудовой деятельности и производству” (Asistencia al Trabajo y la Producción (ATP)) и “Программа восстановления производства” (el Programa de Recuperación Productiva (REPRO)) [56]. Первая программа предназначена для частных компаний всех размеров. Меры данной программы включают отсрочку или сокращение до 95% выплаты взносов работодателей или кредиты по нулевой ставке для самозанятых. Предусматривается также компенсационное пособие по заработной плате, в соответствии с которым государство обязалось выплачивать 50% чистой заработной платы работникам. “Программа восстановления производства” была направлена на тех, кто работает на предприятиях, пострадавших от Covid-19. Работники этих предприятий получали право на ежемесячную единовременную выплату до минимальной заработной платы в течение срока до 12 месяцев. Другими мерами поддержки аргентинского бизнеса были: субсидирование кредитов на выплату заработной платы, приостановление закрытия банковских счетов и отключения услуг по обслуживанию в связи с неуплатой налогов, замораживание арендной платы и приостановление выселения, продление срока погашения задолженности перед, включение Covid-19 в список возможных заболеваний работников.

Сравнительный анализ опыта взаимодействия стран в условиях Пандемии Covid-2019

В России, как и в Чили, правительство самостоятельно принимало меры поддержки бизнеса во время пандемии Covid-19. Среди мер, которые вошли в программу поддержки российского бизнеса, были: отсрочка уплаты ряда платежей на 3 месяца, снижение размера страховых взносов с 30% до 15%, предоставление им субсидий компаниям из наиболее пострадавших отраслей, кредиты под 0% на выплату заработной платы, предоставлении ИП и юридическим лицам кредитов на возобновление деятельности по ставке не более 2% и т.д. [26]. По словам представителей бизнес-ассоциаций, в период пандемии со стороны властей для взаимодействия с бизнесом предпринимались следующие шаги: например, раз в неделю присылали анкету о состоянии компании, приглашали на совещания в правительстве, проводит встречи с профильными бизнес-ассоциациями [14]. Однако, для самих представителей бизнеса меры предложенные правительством казались не столь эффективными. Так, например, крупнейшие российские бизнес-ассоциации РСПП, ТПП, “Деловая Россия” и “Опора России” использовали инструмент публичного письма в адрес премьер-министра М. Мишустина с просьбой расширения мер поддержки для экономических субъектов каждого типа [11]. Впоследствии, несмотря на дополнение программы экономической поддержки, подготовленной Правительством, согласно опросу предпринимателей РСПП, более половины предпринимателей не воспользовались/не смогли воспользоваться предложенными мерами поддержки [19]. В свою очередь, по инициативе бизнеса создавались специальные органы с целью оперативного отслеживания состояния экономических субъектов и отраслей в целом и

выстраивания взаимопомощи внутри бизнес-сообщества [20]. Например, в РСПП был создан Координационный совет, ответственный за координацию и взаимопомощь среди крупного бизнеса.

В случае России мы видим, что, с одной стороны, власти не особо прислушивались к мнению бизнеса, но, с другой стороны, старались осуществлять мониторинг и контроль над положением экономических субъектов. Меры поддержки бизнеса, скорее, носили декоративный характер и были направлены не на уменьшение потерь экономических субъектов, а прежде всего, на уменьшение потерь государством как следствие ухудшения положения предприятий, то есть крупных налогоплательщиков. Можно сказать, что со стороны российских властей мы наблюдаем чилийский паттерн, когда государство, не контактируя с бизнесом, принимает меры, через которые старается минимизировать свои будущие убытки и потери. Со стороны бизнеса, напротив, мы наблюдаем аргентинский паттерн, когда экономические субъекты и бизнес-ассоциации настраивали тесное взаимодействие с органами государственной власти и при этом действовали сообща.

Заключение

Данная работа представляет собой анализ конфликтного дискурса во взаимодействии бизнеса и власти как в России, так и в странах Южной Америки. Первая часть анализа представляет собой описание локального взаимодействия бизнеса и власти в 4-х российских регионах: Рязанской, Калужской, Свердловской и Владимирской областях. Исследование показывает, что региональная пресса хоть и актуализирует конфликтный дискурс между бизнесом и властью, многие проблемы остаются в непубличном дискурсе и продолжают

решаться в индивидуальном порядке. При этом, в прессе актуализирован дискурс сотрудничества между бизнесом властью, выработки общих интересов. Региональный опыт показал, что власть в каждом регионе идет на открытую коммуникацию. При этом, единственными площадками для модерации конфликтов являются бизнес-ассоциации, роль которых лишь усилилась в период пандемии, поскольку они оказались единственными источниками информации для бизнеса. Роль бизнес-ассоциаций остаётся высокой и в урегулировании конфликтов между бизнесом и властью, например, в рамках круглых столов, куда приглашаются все участники конфликта. Важным выводом оказался тот факт, что бизнес признаёт важность и действенность бизнес-ассоциаций в решении проблем, и этот механизм работает более качественно, чем решение конфликтов через «друзей» во власти. Между тем, во всех 4-х российских регионах подтвердили, что прямой выход на губернатора является самым эффективным способом решения проблемы. Однако, этот метод решения становится более редким механизмом, как говорят респонденты. Иными словами, происходит институционализация взаимодействия между бизнесом и властью. Кроме того, у бизнес-ассоциаций актуализировалась крайне важная функция создания сообществ предпринимателей, продвигающих интересы бизнеса.

Вторая часть анализа посвящена обзору институтов взаимодействия бизнеса и власти в Чили и в Аргентине и коммуникации двух сторон в условиях Covid-2019. В Чили взаимодействие бизнеса и власти носит характер сотрудничества и партнерства, в то время как в Аргентине – характер борьбы. Кроме того, в Чили экономические субъекты

имеют тенденцию к объединению в крупные бизнес-ассоциации, в то время как в Аргентине экономические субъекты склонны объединяться в разного рода ассоциации как на горизонтальном, так и на вертикальном уровнях, по разного рода критериям.

Сравнивая опыт России с опытом Чили и Аргентины во время пандемии Covid-19, становится ясно, что в Чили и России при разработке мер поддержки власть не шла на тесное сотрудничество с бизнесом, а руководствовалось своими собственными интересами. В Аргентине, напротив, власть пошла на большие уступки бизнесу и предоставило широкий набор мер поддержки. Однако, в то же время и в России, и в Аргентине бизнес-ассоциации активно участвовали в обозначении и артикуляции мнения и позиций бизнеса и предпринимали собственные усилия для взаимопомощи внутри бизнес-сообщества.

Список литературы и источников

1. Алан Б. Интервью в качественных исследованиях // Социология власти. – 2007. – №. 4.
2. Алейников А.В. Анализ генезиса бизнеса в России: проблемное поле // Власть. – 2009. – №. 12.
3. Белоус П.А., Осколкова Н.В. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2007. – №. 4-II.
4. Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному обществу // Полис. – 1993. – №. 5. – С. 31-35.
5. Ильченко А.А. Институциональные и технологические аспекты взаимодействия органов власти и общества в условиях конфликта // Южно-российский журнал социальных наук. – 2011. – №. 3.
6. Кириллина В.Н. Особенности управления конфликтами во взаимоотношениях

бизнеса и власти // Бизнес и власть в России: теория и практика взаимодействия / Науч. ред. А. Н. Шохин. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. Гл. 12. С. 263-280.

7. Кириллина В.Н., Антонова А. Конфликт интересов власти и бизнеса в современной России // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 2-3 (36-37). С. 161-169.

8. Кириллина В.Н., Попов Д. Проблема институционализации бизнес-объединений в России // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 2-3 (36-37). С. 146-160

9. Киселев В.И. Взаимодействие власти и бизнеса: конфликтологический аспект // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №. 7.

10. Кольба А.И., Ильченко А.А. Модели политической коммуникации в конфликте между структурами власти и обществом (региональный уровень) // Южно-российский журнал социальных наук. – 2012. – №. 1.

11. Коммерсант. 2020. Бизнес-ассоциации просят Мишустина о новых срочных мерах господдержки. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4316275>, дата обращения – 03.03.2021

12. Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 1. – Ставрополь: Пятиг. гос лингв. ун-т, 2003. – С. 26-40

13. Международная научно-практическая конференция «Профилактика правовых и коррупционных рисков в период пандемии COVID-19 от 17.12.2021. Запись конференции URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qE0wG1Hl-1c&feature=youtu.be>

14. Милукова Я., Петухова Л. «Поддержка только на словах»: как власти спасают российский бизнес // Forbes. 2020. URL:

<https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/395905-podderzhka-tolko-na-slovakh-kak-vlasti-spasayut-rossiyskiy-biznes?photo=4>, дата обращения – 03.03.2021

15. Наугольных В.В. Взаимодействие власти и бизнеса на современном этапе: конфликтологический аспект // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2014. – №. 6. – С. 15-23.

16. НИУ ВШЭ. Международная научно-практическая конференция «Профилактика правовых и коррупционных рисков в период пандемии COVID-19». 2020. URL: <https://lap.hse.ru/announcements/418772918.html>, дата обращения – 01.12.2020

17. Пашинян И.А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения // Научная периодика: проблемы и решения. – 2012. – №. 3.

18. Поговорим. Гость программы Николай Любимов для ТКР // Информационный портал YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=n11M7eo_lukw (дата обращения: 20.04.20).

19. РСПП. 2020. Оценка бизнесом финансовых мер поддержки в условиях распространения Covid-19. URL: <https://www.rspp.ru/activity/analytics/-otsenka-biznesom-finansovykh-mer-podderzhki-v-usloviyakh-rasprostraneniya-covid-19/>, дата обращения – 03.03.2021

20. РСПП. Координационный совет РСПП по противодействию коронавирусной инфекции. 2020. URL: <https://rspp.ru/about/structure/body-/koordinatsionnyu-sovet-rspp-protivodeystviyu-covid/>, дата обращения – 03.03.2021

21. Сейранян М.Ю. Конфликтный дискурс. Социолингвистический и прагматический аспекты. 2012.

22. Соловьев А.В. Конфликты на государственной службе:

типология и управление: учебно-практическое пособие. М. : АльфаПресс, 2008.

23. Трубицын И. «Расскажите конкретно мне – что вами сделано на сегодняшний день?» // ВИД-интернет газета СБОКУ. 2020. URL: <https://vidsboku.com/articles/rasskazhite-konkretno-mne-chno-vami-sdelano-na-segodnyashniy-den>, дата обращения – 03.04.2021

24. Фетисов А.А. Конфликты интересов бизнеса и государства в современной России: политологический анализ // Наук/АА Фетисов. 2006.

25. Фуко М. Воля к истине: по сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

26. Шувалова М. Меры поддержки бизнеса по время пандемии: промежуточные итоги реализации в период действия ограничений и новые решения для стабилизации экономики // ГАРАНТ.РУ. 2020. Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/1376927/#ixzz6qrGscVxD>, дата обращения – 04.02.2021

27. Юшкин С. Предприниматели Свердловской области собрали более 30 млн руб. на программу «Русфонд.ИВЛ» // Коммерсант. 2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3829213>, дата обращения – 03.03.2021

28. Alejandro Dulitzky. El universo de las asociaciones empresariales en Argentina: el caso de las cámaras sectoriales // CCAB - moving forward. URL: https://ccab.com.ar/newsletter_detalle.php?id=87¬a=2958, дата обращения – 03.04.2021

29. Arís M. Avances y desafíos en la regulación del lobby en Chile // Nueva Sociedad. – 2018. – №. 276. – С. 140-151. URL: <https://nuso.org/articulo/avances-y-desafios-en-la-regulacion-del-lobby-en-chile/>, дата обращения – 03.04.2021

30. Atria J, Grau N, Vicente Inostroza Sánchez, Alfredo Joignant, Aldo Madariaga y Claudia Sanhueza. La política económica frente al COVID-19 en Chile y el mundo: una invitación a ampliar las fronteras de lo possible // CIPER. 2020. URL: <https://www.ciperchile.cl/2020/05/24/la-politica-economica-frente-al-covid-19-en-chile-y-el-mundo-una-invitecion-a-ampliar-las-fronteras-de-lo-possible/>, дата обращения – 04.04.2021

31. B. Fierman, D. Plumb Experiencia nacional e internacional en mediación de conflictos socio-ambientales [Электронный ресурс] // INFORME DE POLÍTICAS PÚBLICAS N° 29, 2016, URL: <https://www.espaciopublico.cl/wp-content/uploads/2016/05/76.pdf> (дата обращения: 06.05.2021)

32. Bohme N., Petersen J. Una alternativa al plan económico del Gobierno para hacer frente al COVID-19 // CIPER. 2020. URL: <https://www.ciperchile.cl/2020/03/22/una-alternativa-al-plan-economico-del-gobierno-para-hacer-frente-al-covid-19/>, дата обращения – 04.04.2021

33. Bravo E., Dini M., Rueda M. La contribución de las asociaciones empresariales al desarrollo de las políticas productivas: elementos para la elaboración de un marco analítico. – 2020.

34. CEPAL N. U. Sectores y empresas frente al COVID-19: emergencia y reactivación. – 2020.

35. Constitucion Política de la Republica de Chile. (1980). URL: https://www.bcn.cl/Books/Constitucion_Politica_de_la_Republica_de_Chile_1980/index.html#p=1, дата обращения – 02.04.2021

36. Cristina J. Orgaz. Crisis en Argentina: 3 datos que muestran cómo se ha deteriorado la economía del país en las últimas semanas // BBC News, 2019. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-49525952>, дата обращения – 02.04.2021

37. Hacia un modelo integral de política pública para la mediación: un análisis de las instituciones sectoriales

- URL: <https://www.camsantiago.cl/wp-content/uploads/2021/01/CAP1.pdf> (дата обращения: 06.05.2021)
38. Hillman A., Keim G. International variation in the business-government interface: Institutional and organizational considerations // *Academy of management review*. – 1995. – Т. 20. – №. 1. – С. 193-214.
39. Holzinger K. Limits of co-operation: a German case of environmental mediation // *European Environment*. – 2000. – Т. 10. – №. 6. – С. 293-305.
40. Integrated Network for Societal Conflict Research (INSCR). (2020). URL: <http://www.systemicpeace.org/inscrdata.html>, дата обращения – 01.04.2021.
41. Kourula A. et al. New roles of government in the governance of business conduct: Implications for management and organizational research. – 2019.
42. L. Guerra, Hacia un modelo integral de política pública para la mediación: un análisis de las instituciones sectoriales // *Propuestas para Chile*, 2018, URL: <https://www.camsantiago.cl/wp-content/uploads/2021/01/CAP1.pdf> (дата обращения: 06.05.2021)
43. Los derechos y deberes de las empresas en Chile. (2011). URL: <https://blog.eclass.com/derechos-y-deberes-de-las-empresas-en-chile>, дата обращения – 02.04.2021
44. Marina Dossi, Alejandro Dulitzky. 2020. La representación gremial del empresariado en la Argentina // *VOCES*. URL: <https://www.vocesenelfenix.com/content/1-a-representaci%C3%B3n-gremial-del-empresariado-en-la-argentina>, дата обращения – 04.04.2021
45. Marshall M. G., Jagers K., Gurr T. R. *Polity IV project: Political regime characteristics and transitions, 1800-2006* // Center for International Development and Conflict Management, University of Maryland. – 2007. URL: https://home.bi.no/a0110709/PolityIV_manual.pdf, дата обращения – 01.04.2021
46. Mediación [Электронный ресурс] // *Derecho Fácil*, URL: <https://www.argentina.gob.ar/justicia/derechofacil/leysimple/mediacion> (дата обращения: 06.05.2021)
47. Mediación y conciliación // *Información Legislativa*, 2010, URL: <http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/165000-169999/166999/norma.htm#:~:text=Se%20establece%20con%20car%C3%A1cter%20obligatorio,soluci%C3%B3n%20extrajudicial%20de%20la%20controversia.> (дата обращения: 06.05.2021)
48. Medidas del Estado argentino para la protección de los Derechos Humanos durante la pandemia del Covid-19. 2020. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/SP/COVID/States/Argentina1.pdf>, дата обращения – 04.04.2021
49. Moltó J. E. E. Los Principios Rectores sobre las empresas transnacionales y los derechos humanos en el marco de las Naciones Unidas para «proteger, respetar y remediar»: ¿hacia la responsabilidad de las corporaciones o la complacencia institucional? // *Anuario Español de Derecho Internacional*. – 2011. – Т. 27. – С. 317-351. URL: <https://www.argentina.gob.ar/derechoshumanos/proteccion/ddhh-y-empresas>
50. P. L. Manili La intervención de empresas privadas por el Estado // *Revista jurídica electrónica*, 2016, URL: http://www.derecho.unlz.edu.ar/revista_juridica/03/1.pdf (дата обращения: 06.05.2021)
51. Pablo Pérez Ahumada. Sindicatos en tiempos de crisis: reviven pero son ignorados por la autoridad (2020) // CIPER. URL: <https://www.ciperchile.cl/2020/05/01/sindicatos-en-tiempos-de-crisis-reviven-pero-son-ignorados-por-la-autoridad/>, дата обращения – 02.04.2021

52. Plan de Acción implementado por el Gobierno de Chile para hacer frente a emergencia por Coronavirus // CHILE Reports. 2020. URL: https://chilereports.cl/noticias/2020/05/13/plan-de-accion-implementado-por-el-gobierno-de-chile-para-hacer-frente-a-emergencia-por-coronavirus?_cf_chl_captcha_tk_=81e213d0e70da0fe56ea0a61ea4acdb08d526f7f-1617192877-0-Ad_O1Q_kiHN2bUvH5W9KfvSYjOy0Mc-i_tjLcYoqa49VOzW71I3meIUWa7H5p5zzjL36O7Erhf6UTz_DK4WfO98BGMW3e_8gpXcgKFlhwheYw3QitViWQMcdwuoJfDMLiMkDGT01X6ouka4g3TcB7k0eApGshdhlCenqe2tgP0zjRMncUznT_Jw2TfEzazvL54hxmZ3JQDPVFlqFNBFsRKTG-LB6QPK6ib2QTfw18Vy7H-8OUb6nHMAGpDD0XPbHpTrk9X0AzNhL7PMRQ0Le4A79aiaqBbsRAPkLIvXn5_705R1puanZXmAa-wTgkSvDNto0i_qxIZLFmBsO3oFKSroPxtRG0OFu5AHQsPCy3t51PwUGp4ldoCtIZgLE4IzWQkRmilC27BUSHBZgP3utS_fkYNvlnel_WSUNYjHX_LheawSTFRFhgZLbzyCHA_dGUuBjf_BPfq04RqW_WCdmkdPzp8khCzfudQuibEkZ-7pNM7zRzMmoS5IXRjG0Ke_n7dll5chxtAKSHipOJbjYPNKET0HWr1z7mu9GEbLfVpjm3IFfj2CjqwWHkO9FHLQOGVUPgEd3hefp3fEzFcoI4UqGr0kF8mS2pUSf_O5YmRzAdDTN

[mQ1rKrXOHTRpfByarwrWunkfA-0lCyEUnrQYqTmXOCBAB0_xcjRb-zRCpwjiXt39BocblpliEGxy4OLvP2NgSzSvS8cpOdEDlJaT_Xxmw8BOdNiC7-tcE8S07A-1XvKLY-sTQX20n3J5eqg](https://chilereports.cl/noticias/2020/05/13/plan-de-accion-implementado-por-el-gobierno-de-chile-para-hacer-frente-a-emergencia-por-coronavirus?_cf_chl_captcha_tk_=81e213d0e70da0fe56ea0a61ea4acdb08d526f7f-1617192877-0-Ad_O1Q_kiHN2bUvH5W9KfvSYjOy0Mc-i_tjLcYoqa49VOzW71I3meIUWa7H5p5zzjL36O7Erhf6UTz_DK4WfO98BGMW3e_8gpXcgKFlhwheYw3QitViWQMcdwuoJfDMLiMkDGT01X6ouka4g3TcB7k0eApGshdhlCenqe2tgP0zjRMncUznT_Jw2TfEzazvL54hxmZ3JQDPVFlqFNBFsRKTG-LB6QPK6ib2QTfw18Vy7H-8OUb6nHMAGpDD0XPbHpTrk9X0AzNhL7PMRQ0Le4A79aiaqBbsRAPkLIvXn5_705R1puanZXmAa-wTgkSvDNto0i_qxIZLFmBsO3oFKSroPxtRG0OFu5AHQsPCy3t51PwUGp4ldoCtIZgLE4IzWQkRmilC27BUSHBZgP3utS_fkYNvlnel_WSUNYjHX_LheawSTFRFhgZLbzyCHA_dGUuBjf_BPfq04RqW_WCdmkdPzp8khCzfudQuibEkZ-7pNM7zRzMmoS5IXRjG0Ke_n7dll5chxtAKSHipOJbjYPNKET0HWr1z7mu9GEbLfVpjm3IFfj2CjqwWHkO9FHLQOGVUPgEd3hefp3fEzFcoI4UqGr0kF8mS2pUSf_O5YmRzAdDTN)

53. Ruiz M. Los grupos de interés y sus efectos sobre las políticas públicas: el caso del FUT // Revista de Sociología. – 2015. – №. 30. Режим доступа: <http://www.inap.uchile.cl/postgrado/documentos-de-trabajo/103786/magister-en-ciencia-politica>, дата обращения – 03.04.2021

54. Schorr B. Unequal opportunities: companies and the State in contention over mining in Chile // ESTUDIOS ATACAMENOS. – 2018. – №. 57. – С. 239-255.

55. Shaffer B. Firm-level responses to government regulation: Theoretical and research approaches // Journal of management. – 1995. – Т. 21. – №. 3. – С. 495-514.

56. Slipczuk M. ¿Qué beneficios para las empresas ofrece la Argentina por el coronavirus? // Chequedo. 2020. URL: <https://chequedo.com/el-explicador/que-beneficios-para-las-empresas-ofrece-la-argentina-por-el-coronavirus/>, дата обращения – 04.04.2021

INTERACTION BETWEEN BUSINESS AND GIVERNMENT IN COFLICT DISCOURSE: RUSSIAN FEDERATION, CHILE AND ARGENTINA

Valentina Kirillina– Doctor of philosophical sciences, Professor, Deputy Head of the Department of the Theory and Practice of Business-Government Interaction, Director of the Institute of Communication Management NRU HSE, kirillina@hse.ru

Yulia Vyatskaya - expert of Training Laboratory for Business Communications Research, NRU HSE. yumatyunenko@hse.ru

Nadezhda Volkonskaya - Trainee researcher at the Research and Training Laboratory for Business Communications Research, nvolkonskaya@hse.ru

This article presents the results of a study on the problem of interaction between business and government in the conflict discourse in the Russian Federation, Chile and Argentina. When studying the case of the Russian Federation, emphasis was placed on regional specifics (Ryazan, Sverdlovsk, Kaluga, Vladimir regions). Conflict discourse is studied using two methods (content analysis and interviews). The results of the study showed that the conflict discourse between business and government escalated in all countries during the Covid-2019 period, however, the mechanisms for conflict resolution differed in the conditions of different institutional design of countries.

Keywords:

Conflict discourse; interaction between business and government; business associations; regional policy; foreign experience